

The splendor and poverty of political and legal forecasts: J. A. Schumpeter's version

A. M. Lushnikov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2949-3439-2025-4-360-373

Research article
Full text in Russian

This article analyzes the problem of the effectiveness and adequacy of political and legal forecasts using the works of the prominent Austrian thinker J.A. Schumpeter as an example. A brief biographical note and characteristics of the scientific heritage of this prominent Austrian universal scientist are given, among other things, a lawyer by education and some period of professional activity. Unfortunately, in this capacity he is practically unknown to modern domestic legal scholars, and this article is intended to at least partially fill this gap. It is concluded that the scientist's futuristic views turned out to be largely justified, however, in general, they should be perceived critically, like any long-term forecasts, due to the impossibility of taking into account numerous factors associated with risk and uncertainty.

Keywords: J. A. Schumpeter; capitalism; state; law; creative destruction; elite democracy

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lushnikov, Andrey M.	E-mail: amlu0909@yandex.ru
	D. Sc. (Jurisprudence), D. Sc.(History), Professor

For citation: Lushnikov A. M. The splendor and poverty of political and legal forecasts: J. A. Schumpeter's version // Demidov Law Journal. 2025. Vol. 15, No. 4. P. 360-373. (in Russ.)

Блеск и нищета политико-правовых прогнозов: версия Й. А. Шумпетера

А. М. Лушников¹

¹Ярославский государственный университет им П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2949-3439-2025-4-360-373

УДК 346+340.15

Научная статья

Полный текст на русском языке

В данной статье анализируется проблема результативности и адекватности политико-правовых прогнозов на примере работ видного австрийского мыслителя Й. А. Шумпетера. Даны краткая биографическая справка и характеристика научного наследия этого видного австрийского ученого-универсала, среди прочего, юриста по образованию и некоторому периоду профессиональной деятельности. К сожалению, в этом качестве он современным отечественным правоведам практически не известен, и данная статья призвана хотя бы отчасти восполнить этот пробел. Сделан вывод о том, что футуристические воззрения ученого оказались во многом обоснованными, однако, в целом, должны восприниматься критично, как и любые долгосрочные прогнозы, в силу невозможности учета многочисленных факторов, связанных с риском и неопределенностью.

Ключевые слова: Й. А. Шумпетер; капитализм; государство; право; созидательное разрушение; элитарная демократия

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лушников, Андрей Михайлович

E-mail: amlu0909@yandex.ru

Доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права

Для цитирования: Лушников А. М. Блеск и нищета политико-правовых прогнозов: версия Й. А. Шумпетера // Демидовский юридический журнал. 2025. Том 15, № 4. С. 360-373.

В этом году исполнилось 75 лет со дня смерти известного австрийского мыслителя (с 1939 г. принявшего гражданство США) и ученого-универсала **Йозефа Алоиза Шумпетера** (8 февраля 1883 – 8 января 1950), который широко известен, прежде всего, как экономист и историк экономики. Среди прочего, он был профессиональным юристом, видным государственным и общественным деятелем. Кроме того, его также увлекали проблемы философии и физики, и он сумел выработать свою общую концепцию социального развития, затронув практически все его стороны. В этой связи уровень его эрудиции порой просто поражает, а комплексный подход к общественной проблематике позволил ему выйти и на вопросы футурологии.

В настоящее время Шумпетер является одним из самых цитируемых экономистов, причем часто его цитируют отнюдь не экономисты. Как правило, это связано с его концепциями «созидательного разрушения» и «элитарной демократии». Его обоснованно называют одним из гигантов экономической науки XX в. По проше-

© ЯРГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ствии времени можно более беспристрастно рассмотреть его прогнозы глобального политико-правового развития, которые он изложил, прежде всего, в одной из последних своих крупных прижизненных публикаций [1]. Она представляла собой своеобразную квинтэссенцию всего творчества австрийца и, в какой-то степени, его жизни. В этой связи начнем повествование с краткого биографического очерка и характеристики научного наследия Шумпетера, тем более что для отечественных юристов он остается по большей части фигурой почти неизвестной.

Вехи биографии

Йозеф Шумпетер родился в небольшом городке Триш в Моравии, входившей в то время в состав Австро-Венгрии. Семья его была смешанной – немецко-чешской. Отец Йозефа был предпринимателем в третьем поколении, владел небольшой фабрикой по производству тканей. Он погиб от несчастного случая на охоте в возрасте 31 года, когда единственному сыну было всего четыре года. С тех пор его воспитанием занималась мать, Иоганна Шумпетер (в девичестве Грюнер), дочь венского врача. Это была образованная женщина с сильным характером, сыгравшая в жизни сына огромную роль. В 1893 году Иоганна вышла замуж за фельдмаршала-лейтенанта Зигмунда фон Келера, который был старше ее более чем на 30 лет (в 1906 г. они развелись). Брак матери со столь высокопоставленным лицом позволил Шумпетеру поступить в 1893 г. в самую элитную частную школу Вены того времени – Терезианум. Она была создана в 1746 г. и готовила служилую и интеллектуальную элиту для центральноевропейской империи. В Терезиануме Шумпетер получил фундаментальное среднее образование, а также прекрасное владение древними и новыми языками. Он хорошо знал древнегреческий, латынь, а также французский, английский и итальянский языки, что в будущем ему сильно пригодилось, особенно в части английского. Впрочем, своим среди дворянских сливок общества этот выходец из среднего класса так и не стал, несмотря на то что достиг совершенства в верховой езде, фехтовании и риторике. Его невысокий рост, худощавость и смуглый цвет кожи с необычайно высоким лбом и слегка выпуклыми глазами провоцировали намеки на его еврейское происхождение. В качестве защитной реакции он выбрал маску пресыщенности и ироничности [2, с. 237].

По окончании школы с отличием он в 1901 г. поступает на юридический факультет Венского университета – старейшего в немецкоязычном мире (основан в 1365 г.). Университет славился своей школой публичного, прежде всего финансового права, которую представляли такие видные деятели науки и политики, как И. Зонненфельс (1732–1817), И. В. Косеский (1798–1884), Л. фон Штайна (1815–1890) (автор концепции социального государства) и др. Юридический факультет, а затем и ректорат Венского университета в то время возглавлял видный австрийский правовед гуманистического направления А. Менгер (1841–1906), младший брат экономиста К. Менгера (1840–1921). Среди учителей нашего героя оказались такие известные ученые-юристы, как криминалист Г. Ламмаш (1853–1920) (будущий глава правительства Австрии в 1918 г.), цивилист Ф. Кляйн (1854–1926), историк права Ф. фон Инама-Штернег (1843–1908), юрист и статистик Ф. фон Юрашек (1845–1910), философ права и экономист К. Гринберг (1861–1940), государствовед Э. Бернацки (1854–1919) и др. Да и состав студентов юридического факультета подобрался чрезвычайно интересный. В одно время с Й. Шумпетером учились будущий видный теоретик права и государствовед Г. Кельзен (1881–1973), лучший друг нашего героя и шафер на его первой свадьбе. Его сокурсниками были теоретик австромарксизма и политический деятель

О. Бауэр (1881–1938), будущий известный экономист Э. Ледерер (1882–1939), экономист и банкир Ф. Зомари (1881–1956). Экономический кружок на юридическом факультете посещали будущие видные австромарксисты, в том числе Р. Гильфердинг (1877–1941), бывшие студенты-юристы, ставшие профессорами права, К. Реннер (1870–1950) и М. Адлер (1873–1937). С ними Йозеф оттачивал свой интеллект в политических дискуссиях, затем еще неоднократно встречался на жизненном пути.

В университете Шумпетер в основном специализировался по гражданскому праву, но также слушал лекции по экономике в рамках университетского курса, проявляя к ней живой интерес. Среди его учителей были основоположники австрийской экономической школы Ф. фон Визер (1851–1926) и О. фон Бем-Баверк (1851–1914).

В итоге в 1906 г. он защищает диссертацию на звание доктора права, издав в этот год три научные статьи. Стоит подчеркнуть, что система его взглядов формировалась в начале XX в., когда в немецкоязычном мире популярность получили идеи Ф. Ницше, а затем О. Шпенглера, Австро-Венгрия вступала в эпоху распада, а весь мир сотрясали кризисы и войны, включая Первую мировую. В этой связи Шумпетер невольно стал «мыслителем заката», отразив мировоззрение немцев из богемных кофеен и дискуссионных клубов, соединив философию с правом и экономикой в одну резонирующую и даже вибрирующую систему. При этом он оставался «ученым-романтиком», но достаточно мрачного толка. В записной книжке нашего героя, в которую он заносил афоризмы, не нашлось ни одного доброго слова о современном ему обществе. По его мнению, масса хочет не свободы, а «чтобы ее кормили, развлекали и руководили ею...». Демократия, по его мнению, вообще «правление посредством лжи». Не нашлось у него добрых слов и для современного ему государства и права. Это дало основание некоторым исследователям отнести его даже к стану реакционеров [3, с. 155; 4, с. 381].

После завершения Венского университета с 1906 г. Йозеф продолжает свое обучение в Берлинском университете. Затем последовала Англия, которую он считал «венцом капиталистической цивилизации». С этого времени он приобрел устойчивую англофильскую позицию. Там же он впервые женился (а всего у него было три брака), однако этот союз оказался неудачным, чему способствовали амурные похождения, интенсивность которых не зависела от его правового статуса.

Первоначально профессиональная деятельность Шумпетера носила сугубо юридический характер. В 1907–1908 гг. он работает адвокатом в Каире на одну итальянскую юридическую фирму, представляя интересы клиентов в основном в Смешанном (англо-египетском) суде Египта. Кроме того, он становится юридическим консультантом одной из дочерей египетского хедива. Приведя финансы принцессы в порядок (и удвоив за короткий период ее состояние), Шумпетер изрядно улучшил и свое материальное положение. Однако работа была не очень обременительной, оставляя время на посещение местных кофеен, амурные приключения и научные исследования. Уже в 1908 г. вышла его первая большая монография – «Сущность и основное содержание теоретической национальной экономики» – объемом 626 страниц.

По возвращении из Каира он получает право занять должность приват-доцента Венского университета с довольно смутными перспективами, прочитав хабилитационную лекцию на тему «О природе и сути экономической теории». Однако места в столице он не получил, удовлетворившись в 1909 г. должностью адъюнкт-профессора политической экономики в университете Черновцов. Кроме местных женщин и красивой природы, там ему больше ничего не нравилось. При этом он шокировал своих достаточно консервативных коллег, появляясь на собраниях в бриджах, а од-

нажды вызвал на дуэль университетского библиотекаря, не сойдясь с ним по вопросу доступа студентов к книгам. В результате дуэли библиотекарь получил ранение в плечо, зато школяры получили больше свободы в пользовании книжным фондом.

В 1911 г. Шумпетер занял пост профессора политической экономии Университета Граца (оставался в этой должности до 1921 г.), причем по протекции своего учителя в сфере политэкономии О. Бема-Баверка, несмотря на то, что профессура местного юридического факультета была против его кандидатуры. Там он оказался единственным преподавателем экономических наук и читал лекции по целому ряду предметов, включая социологию. В общем, феерическим начало его карьеры назвать сложно, несмотря на столь раннюю профессуру, хотя авторитет яркого исследователя он заработал достаточно скоро. Его умение быстро писать, глубокая эрудиция, теоретическая проработка проблематики уже тогда впечатляли.

Свою основную, как считал сам Шумпетер, работу – «Теория экономического развития» (1912, второе изд. – 1926, перевод на англ. – 1934, на японский – 1937), – он написал еще достаточно молодым ученым, в 29 лет. В данной книге в сжатом виде было изложено его видение эволюции капитализма, которое он развивал в дальнейшем. Примечательно, что она оказалась первой книгой австрийца, переведенной на русский язык [5].

Известности Шумпетера способствовало и расширение его международных связей. Он стал первым австрийским профессором, работавшим в США по обмену, причем в 1913–1914 гг. местом его работы стал Колумбийский университет (Нью-Йорк). Америка очаровала пытливого европейца, а он, в свою очередь, понравился американским коллегам. Более того, в 31 год он умудрился получить там почетное звание, что было редкостью даже для более маститых европейских коллег. К его англофильству добавились проамериканские симпатии. После возвращения Шумпетер издает «Историю теорий и методов (очерк политической экономии)» (1914). Она послужила основой его замечательного во всех отношениях исследования «История экономического анализа», которое при жизни ученого так и не было закончено и вышло только в 1954 г. во многом благодаря стараниям его вдовы (третьей жены) Э. Фируски и ученика В. Леонтьева. Она также переведена на русский язык и в трех томах издана в 2001 г.

В 1916 г. Шумпетера избирают деканом юридического факультета Университета Граца, и тогда же он участвует в подготовке к изданию научного журнала «Архив социальной науки и социальной политики». В 1917–1918 гг. ученый работает сотрудником комиссариата экономики военного времени, где получает свой первый опыт на государственной службе. Одновременно у него еще более окрепли проамериканские и проанглийские настроения, и есть сведения о его участии в попытках добиться сепаратного мира для Австрии в 1916 г. К тому же профессор был изрядный пацифист, считавший, что война – это «кровавое безумие». В общем, имперским патриотом он быть перестал, хотя в юности был монархистом и очень уважал австро-венгерского императора Франца Иосифа. Об изменении его мировоззрения свидетельствует и то, что в 1918 г. наш герой выступил в качестве консультанта Комиссии «по социализации» частных фирм в Берлине, которую возглавлял известный социал-демократ К. Каутский, а членами которой были его университетские друзья Р. Гильфердинг и Э. Ледерер. Примечательно, что австриец не возражал против умеренной национализации в отношении некоторых социально значимых предприятий. В целом революционную волну, прокатившуюся по Европе в 1917–1919 гг. он встретил без восторга, но с исследовательским любопытством. Так, свое участие в вышеупомянутой

Комиссии он объяснил следующим образом: если кому-то хочется совершить самоубийство, хорошо, если при этом присутствует врач. Тем не менее, и марксизм обладал в глазах австрийца интеллектуальной привлекательностью, при том, что молодого профессора прельщала возможность поучаствовать в разворачивающихся на его глазах грандиозных преобразованиях.

В том же 1918 г. Шумпетер написал одну из своих редких работ, посвященных прикладным аспектам экономики и даже злобе дня. Речь идет о «Кризисе налогового государства» [6]. В ней явно прослеживается влияние австрийского социолога и философа Р. Гольдшайда (1870–1931), автора концепции «социологии финансов» и преобразования «налогового государства» в самоуправляемое государство. Выход этой книги способствовал новому карьерному взлету молодого профессора.

Действительно, вершиной служебной карьеры ученого стал пост министра финансов вновь образованной Австрии с марта по октябрь 1919 г. Ситуация с финансами страны была фактически безнадежной, а деятельность нового министра не могла ее исправить, а отчасти даже только усугубила. Так, он ввел экстраординарный налог на богатство, стимулировал инфляцию для снижения государственного долга. Кроме того, он подписал декрет, в соответствии с которым государственные долги, сделанные в полноценных довоенных кронах, могли быть законно выплачены равным количеством обесцененных крон. Естественно, такие действия были крайне непопулярными, и он не смог опереться ни на социалистов, которые его выдвинули (в том числе его сокурсник О. Бауэр), ни на правых, которые ему не доверяли. В итоге он ушел с должности министра финансов даже до того, как была официально представлена подготовленная им программа действий.

После ухода в отставку и оставления профессуры в Граце в 1921 г. он стал президентом небольшого, но авторитетного «Бидерманн-банка», который вначале процветал, но в 1924 г. обанкротился. Параллельно он также возглавил банк «Кауфман», фарфоровый завод и дочернее химическое предприятие немецкой транснациональной компании. Сам Шумпетер не только потерял при банкротстве свое состояние, но и наделал массу долгов, которые затем выплачивались на протяжении почти десяти лет. В общем, как на ниве государственной службы, так и в бизнесе Шумпетер потерпел полное фиаско. В дальнейшем он занимался исключительно наукой и преподаванием, в чем преуспел существенно лучше. Не получив достойных предложений в Австрии, он занимал должности профессора кафедры государственных финансов Боннского университета в 1925–1932 гг., где спектр преподаваемых им дисциплин был достаточно широк: финансы, деньги и кредит, история экономической мысли.

Он не рвет связи и с США. В 1927–1928 гг. австриец несколько месяцев преподавал в Гарварде, а затем вернулся туда в 1930 г. В Европу наш герой возвращался через Японию, где задержался на несколько месяцев с целью чтения лекций в Токийском торговом колледже. Есть сведения, что он впервые побывал в Японии еще в 1925 г. В любом случае в этой стране ученый встретил теплый прием, а все его работы, переведенные на английский язык, были переведены и на японский. Насколько нам известно, первая статья ученого на русском языке появилась в 1931 г., причем посвящена она была разгорающемуся глобальному экономическому кризису [7, с. 81–93].

В 1932 г. Шумпетер эмигрирует в США, где в том же году становится профессором Гарвардского университета и остается в этом качестве до своей смерти в 1950 г. Здесь у него сложились дружеские отношения, в частности, с нашим бывшим соотечественником П. А. Сорокиным (1889–1968), под руководством которого в 1931 г. в Гарварде был создан социологический факультет. В рамках этого факультета читался

курс социологии права, который вели декан юридического факультета Р. Паунд, приглашенный профессор Сорбонны, еще один русский эмигрант Г. Д. Гурвич и студенческий друг Шумпетера, уже упомянутый Г. Кельзен [8, с. 179–186]. В целом наш герой вполне плодотворно контактировал с социологами и юристами университета.

После прихода фашистов к власти в Германии в 1933 г. и аншлюса Австрии в 1938 г. (который Шумпетер осудил) он помог многим ученым из центральной Европы обустроиться и адаптироваться в США. Отрадно, что свои связи в Америке он и ранее часто использовал для поддержки коллег в различных аспектах. Так, по его рекомендации на стажировке в США оказался австрийский экономист и юрист Ф. А. Хайек (1899–1992). Шумпетер помог обустроиться на новом месте российскому юристу и финансисту П. П. Гензелю (1878–1949). Этот список можно продолжить.

В США к Шумпетеру пришло широкое признание. В частности, в 1940–1941 гг. он занимал пост президента эконометрического общества. При этом в Гарварде Шумпетер считался весьма экзотическим персонажем благодаря своей манере одеваться и держаться на лекциях. Студентов и аспирантов он подкупал своей огромной эрудицией и простотой в общении, неподдельным интересом к своим ученикам. Академические свободы для него всегда были важны. Его аспирант П. Суизи так писал о нем: «Он не заботился о том, что мы думаем, если мы думали». По утверждению П. Самуэльсона, другого аспиранта Шумпетера и будущего нобелиата по экономике, студенты его «побаивались и уважали» [4, с. 383]. Скажем так, очень важная похвала.

Как бывшего гражданина Австрии, в годы Второй мировой войны его не привлекали к работе на правительство, но он взял на себя большую педагогическую нагрузку. Некоторые коллеги считали его взгляды устаревшими из-за модного в то время кейнсианства, к которому он относился весьма настороженно, как и к самому британцу Дж. М. Кейнсу (1883–1946) [9]. Примечательно, что глубины Великой депрессии он первоначально не оценил, считая ее лишь «холодным душем» для капитализма. К «Новому курсу» американского президента Ф. Д. Рузвельта он отнесся первоначально настороженно, в дальнейшем также не был его горячим поклонником. Да и изысканные манеры и витиеватая речь австрийца вкупе со сложной терминологией со временем стали восприниматься как чудачество.

В целом 1930–1940-е гг. в его жизни характеризовались интенсивной исследовательской и педагогической работой и сравнительно скромной оценкой его монографии «Экономические циклы: теоретический, исторический и статистический анализ капиталистического процесса» (1939). В этой монографии он попытался проанализировать причины кризисов и цикличности развития экономики, продолжая развивать идеи, заложенные в «Теории экономического развития». Учение Шумпетера о циклах развития экономики первоначально не вызвало особого интереса; у многих коллег оно произвело впечатление поверхностного и абстрагированного от реальных проблем Великой депрессии. Вообще, отношение и оценка ученым кризиса как неизбежного зла, стимулирующего саму жизнеспособность капитализма, сильно навредило репутации ученого. Для нас важно то, что именно австриец ввел в широкий научный оборот понятие «большие волны (циклы) конъюнктуры Кондратьева», которые он назвал именем нашего соотечественника Н. Д. Кондратьева (1892–1938).

Отметим, что в то время кейнсианство с его ориентацией на антикризисные меры уже набирало научные обороты, а Шумпетер был знаком с ним тогда весьма поверхностно. Отчасти из-за этого последние годы жизни он страдал от одиночества и потери контакта с коллегами и студентами. Последней прижизненной почестью и признанием предшествующих заслуг для него стало избрание в 1949 г. президен-

том Американской экономической ассоциации, причем он стал первым иностранцем, удостоившимся такой чести.

Самой его резонансной работой, подготовленной в США, стала монография «Капитализм, социализм и демократия» (1942), на которую мы будем опираться при дальнейшем повествовании. Уже при жизни автора данная книга была дважды переиздана (1946, 1949). Примечательно, что она написана, скорее, для широкой публики, а не только для профессиональных экономистов, причем «тяжеловесный» немецкий стиль изложения сохранился и здесь. Это была уже скорее обобщающая социологическая и политологическая работа о судьбах государства и права. В ней явно чувствуется институциональный подход, свойственный многим ученым Гарварда. Данное исследование на долгие годы являлось самой цитируемой работой Шумпетера, посмертно неоднократно переиздавалось, переводилось на многие языки, в том числе русский.

Еще раз подчеркнем, что в ней нашли отражение не столько его экономические воззрения, сколько социологические, политологические и даже политико-правовые. Автор книги проявил и традиционное для него парадоксальное мышление, а также изрядный талант сатирика. Стоит заметить, что Шумпетер отчасти сохранил свойственное представителям неоклассиков и австрийской школы нейтральное отношение к социальным проблемам. Однако его интерес к данной проблематике был достаточно активен, а суждения отличались, если можно так сказать, большей «человеческой теплотой». Примечательно, что последняя рукопись, которую он почти завершил, именовалась «Движение к социализму».

Представляется весьма проблемным говорить о некоей «школе Шумпетера», поскольку его воззрения были настолько синтетичны и своеобразны, что придерживаться их мог только наш герой в единственном лице. Однако он оказал влияние, порой существенное, на целый ряд учеников, которые под его руководством осваивали студенческий курс или учились в аспирантуре. Симптоматично, что большинство из них придерживались левых или центристских взглядов – от марксистов до кейнсианцев и институционалистов.

Так, его студентом в Гарварде был Р. Хайлбронер (1919–2005), написавший о нем интересный и очень личный очерк [10, с. 370–399], будущий нобелиат по экономике Р. Солоу (1924–2023), а также Р. Гудвин (1913–1996). Аспирантом Шумпетера в Гарварде был П. Суизи (1910–2004), ставший затем одним из ведущих экономистов-марксистов в США, П. Самуэльсон (1915–2009), один из «отцов» неоклассического синтеза, а также итальянец С. Лабини (1920–2005). Среди других выдающихся учеников Шумпетера – нобелиат по экономике и наш бывший соотечественник В. В. Леонтьев (1906–2001), румынский экономист Н. Джорджеску-Роген (1906–1994), японский экономист марксистской ориентации С. Цуру (1912–2006), один из самых известных посткейнсианцев Х. Мински (1919–1996), будущий председатель ФРС А. Гринспен (р. 1926). В настоящее время авторитет Шумпетера простирается на такие неортодоксальные области экономических знаний, как экономическая политика, промышленная политика, теория управления и инновации, не говоря уже о теории предпринимательства и истории экономического анализа.

Кроме того, с 1910 по 1950 г. Шумпетер готовил содержательные эссе о выдающихся ученых-экономистах (начиная с Л. Вальраса), которые писались по разному поводу. Среди них – эссе о К. Марксе и Дж. М. Кейнсе. Впоследствии (1951) Э. Фируски собрала и издала их, причем книга вышла и в русском переводе [11]. В целом австриец оказался весьма плодовитым автором, подготовив около 20 книг и более 200 статей.

Заслуги ученого в экономической науке, а также в социологии и политологии были признаны далеко не сразу. В период, когда мейнстримом было кейнсианство и неокейнсианство, Шумпетер казался консерватором и противником прогрессивных преобразований, но постепенно ситуация менялась. Так, только в 1986 г. в честь его заслуг и для изучения творчества уважаемого профессора было создано «Международное общество Йозефа Шумпетера». В 2001 г. в Берлине основан Институт Шумпетера. Часть личной библиотеки Шумпетера хранится в токийском университете Хитоцубаси (библиотека Шумпетера). Именем ученого названа аллея в Бонне, в университете которого он преподавал. В 2004 г. в доме, где родился экономист, в городке Трешетш, открыт Музей Шумпетера. Школа бизнеса и экономики им. Шумпетера открылась в 2008 г в Вуппертальском университете (Германия). В 2009 г. известный журнал «The Economist» назвал в честь Й. Шумпетера одну из своих колонок, в которой обсуждаются вопросы бизнеса и менеджмента. Шумпетеровский центр создан в г. Граце, в университете которого он также преподавал.

Отметим, что Шумпетер является непременным персонажем всех исследований по истории экономической науки и истории экономики. Тем не менее, отечественная литература, посвященная его научному наследию, причем как советская, так и постсоветская, по этой части весьма фрагментарна [12; 13; 14, с. 20–27].

О будущем государства и права (а также капитализма и социализма)

В зрелом возрасте Шумпетер все чаще задавался вопросом о судьбах капитализма, современного ему государства и права. Этой проблеме в 1942 г он посвятил свой известный труд «Капитализм, социализм и демократия», упомянутый выше, который, по замечанию самого автора, стал плодом сорокалетних размышлений. В этой книге Шумпетер особо подчеркивает, что он анализирует тенденции, а не занимается политическим прогнозированием или политической апологетикой. Внешне напоминающая надгробную речь почившему в бозе капитализму, эта книга скорее является похвальной песнью ему.

Данное исследование австрийца вызвало большой интерес практически у всех гуманитариев – от социологов, юристов, политологов до историков, в то время как экономисты ее первоначально почти игнорировали, да и сейчас не особо жалуют. Выше мы уже говорили о том, что к наследию Шумпетера обращаются далеко не только, а порой даже не столько, экономисты. Эта тенденция проявляется и сейчас. Так, в размышлениях пяти современных известных социологов о будущем капитализма шумпетеровская концепция «созидательного разрушения» оказалась не только самой популярной и поставленной в центр внимания, но и единственной из выработанных экономистами [15, с. 30–31, 65, 73, 113]. Кстати, это будущее видится им далеко не радостным.

Уже вторая часть «Капитализма, социализма и демократии» начинается со знаменитого вопроса: «Сможет ли капитализм выжить?», на который Шумпетер дает скорее отрицательный ответ: «Нет, не думаю». Австриец при этом оговорился, что он не социалист и не приветствует такое развитие событий. По его мнению, в 1942 г. даже в США существовал «капитализм в кислородной палатке», причем уже дрейфующий в сторону социализма. Идею саморазрушения капитализма он парадоксальным образом аргументирует наличием тенденций, каждая из которых возникает за счет успешного развития капиталистических отношений. Так, капиталистическая система приводит к возникновению большого бизнеса и монополий, однако последние угрожают существованию частной инициативы. В свою очередь, частная инициатива

является неотъемлемой частью развития самой капиталистической системы, без нее невозможны никакие инновации. Формирование акционерных обществ уничтожает класс частных собственников, так как ни менеджеры, ни акционеры не являются истинными хозяевами предприятий. Одновременно он формулирует известную «гипотезу Шумпетера», согласно которой «большой бизнес» может способствовать повышению уровня жизни широких слоев населения, а источником инноваций в новых условиях могут стать именно монополии. Тем не менее, данная позитивная тенденция в долгосрочной перспективе дает отрицательный эффект.

Здесь он предвосхитил выделение безликой «технотруктуры», управляющей капиталистической экономикой. В то же время частная собственность на факторы производства является определяющим признаком капитализма. Тенденцию к обнищанию пролетариата он считал ложной, но возрастание экономического и социального неравенства вполне допускал. Кроме того, завершилась эпоха совершенной конкуренции, а настало время несовершенной или монополистической конкуренции. Противоречивость и спорность «гипотезы Шумпетера» отмечают даже весьма благожелательно настроенные в отношении его наследия экономисты [4, с. 107, 381, 386–387].

Далее ученый утверждал, что возросшее расслоение общества и исчезновение среднего класса (прежде всего, мелких и средних предпринимателей), который является своеобразным «охранителем» капитализма, приводит к формированию атмосферы социальной напряженности и появлению «радикальных интеллектуалов». Даже вред неизбежной безработицы он видел в том, что она может стать подлинной трагедией, если соединится с невозможностью обеспечить безработных, не ставя под угрозу условия дальнейшего экономического развития.

Таким образом, с помощью увеличения темпов роста можно решить многие экономические проблемы, но это решение может не устроить интеллектуалов. Последние в трактовке ученого – «это люди, владеющие устным и письменным словом, а от других людей, делающих то же самое, их отличает отсутствие прямой ответственности за практические дела». В общем, это некий социальный слой, способный выявлять общественные проблемы, за решение которых он не несет прямой ответственности, и способный отстаивать интересы других социальных слоев. Интеллектуалы склонны отрицательно относиться к капитализму, потому что их профессии основаны на антагонизме по отношению к нему. Нельзя не признать точность этого прогноза в отношении начала 20-х гг. XXI в., когда именно радикальные интеллектуалы, особенно из университетской профессуры, породили погромную критику и даже отрицание прошлого в духе BLM, радикального феминизма, критической расовой теории, мультикультурализма и прочих бесконечных инклюзий.

По словам Шумпетера, рост числа людей с высшим образованием – большое преимущество капитализма. Тем не менее, безработица и отсутствие полноценной работы в силу технического прогресса приведут к критике, недовольству и протестам со стороны интеллектуалов. Результатом станет отчуждение личности от общества (об отчуждении писал и К. Маркс), неверие людей в собственные силы. Это может породить социальное иждивенчество и политический нигилизм. Действительно, в настоящее время около 44 млн американцев (или почти каждый седьмой) получают бесплатные талоны на питание и другие необходимые товары, а социальные расходы бюджета достигли недостижимого ранее уровня.

Профессор предполагал, что в парламенты при этом будут все чаще избираться социал-демократические партии, а демократическое большинство будет голосовать

за ограничения предпринимательства. Расширение самоуправления рабочих, индустриальная демократия и регулирующие институты политически эволюционируют первоначально в «либерально-демократический капитализм». От себя добавим, что долгое доминирование левых партий и даже откровенных «леваков» на политическом ландшафте Запада – яркое тому подтверждение.

Таким образом, интеллектуальный и социальный климат, необходимый для процветания предпринимательства, будет заменен некоторой формой «лейборизма» по английскому варианту. Это затруднит «созидательное разрушение», что в конечном итоге подорвет поступательное экономическое развитие капитализма. Именно в этой работе Шумпетер окончательно определил понятие «созидательное разрушение» как ликвидацию в период социально-политических кризисов устаревших социальных институтов, прежде всего экономических, правовых и государственных. Однако оно должно проходить в жестких правовых рамках, гарантирующих его «созидательность». В настоящее время стремление к такому «созидательному разрушению» приписывается администрации нового президента США Д. Трампа.

Ученый предположил, что в перспективе социальная защита победит экономическую динамику. Примечательно, что одной из главных угроз деятельности интеллектуалов он видел именно в создании новой социальной атмосферы. «Такая социальная атмосфера или кодекс ценностей влияет не только на политику – душу законодательства, но также и на административную практику», а следствием этого является «разложение» капиталистического общества. Данный процесс в перспективе означает отход от признания главенства законности и правопорядка, а равно от других основных принципов права. Напомним, что капиталистическое развитие для него всегда хаотично, однако оно требует «относительного порядка», который может привести только право. Без этого «относительного порядка» капитализм не жизнеспособен. В конечном итоге «разложение» становится следствием отсутствия законности и правопорядка [1, с. 103–224]. Здесь также стоит отметить прозорливость профессора: атмосфера неуважения к праву периодически порождает по всему миру такие уродливые явления, как бессистемную раздачу «фидуциарных (фиатных, вертолетных)» денег, декриминализацию мелких краж и даже грабежей (до разбоя дело еще не дошло), неконтролируемый рост внутреннего долга, «позитивную» дискриминацию ряда меньшинств и др.

Вышеназванные противоречия, в свою очередь, закладывают основы для потенциальных конфликтов, которые могут быть разрешены либо путем революционных восстаний, либо постоянными уступками со стороны капитализма. Данный процесс со временем завершится формированием социалистического общества. В восстание пролетариата австриец не верил, но считал, что социалистическая организация общества неизбежно вырастает из такого же неизбежного процесса разложения общества капиталистического. Не зря третью главу своей работы он начинает с вопроса: «Жизнеспособен ли социализм?», на что дает недвусмысленный ответ: «Конечно, да». Это тот случай, когда центральная власть контролирует средства производства и само производство, а экономическая деятельность осуществляется, как правило, в общественном, а не частном секторе. Более того, государство для него служит «частью того пепла, из которого предстоит возникнуть Фениксу социализма», хотя со временем оно должно отмереть.

По формальному признаку его вывод совпал с выводом К. Маркса, но по сути все оказывается с точностью до наоборот: капитализм губит не восставший эксплуатируемый пролетариат, а радикальные интеллектуалы, возмущенные не классовой сущ-

ностью, а социальной и экономической несправедливостью капитализма. Напомним, что Шумпетер отрицательно относился к материалистическому пониманию истории, поэтому для него главная угроза формируется не в базисе с его несоответствием производительных сил и производственных отношений, а в надстройке – с ее радикальными интеллектуалами.

Таким образом, именно успех капитализма, а не его провал, приведет к коллективизму, социальной солидарности и другим ценностям, враждебным капитализму, и носителями которых станут интеллектуалы. При этом для Шумпетера социализм – это вполне приемлемый строй с господством государственной бюрократии («бюро и комиссии»), ростом государственной собственности и превалированием государственного сектора экономики, с ростом плановых начал, большой степенью равенства и социальной защищенности, «общественным контролем» над экономикой и др. Капитализм монополий и олигополий сам готовит почву для господства бюрократии при социализме, причем некоторые проблемы социализм будет решать даже лучше, чем рыночная экономика. Это, в частности, уменьшение неопределенности при децентрализованном социализме. В этой части Шумпетер уделяет огромное внимание внеэкономическим факторам, что позволило ему уйти от выбора между «добром и злом» или даже «из двух зол». По его мнению, сформированный в обществе менталитет сужает перечень возможностей выбора дальнейшего пути и в значительной степени его предопределяет [1, с. 225–309]. В этой трактовке по формальным признакам он был достаточно близок к марксизму, разбавленному его пессимизмом и фатализмом.

Уточним, что у австрийца речь идет не о советской модели социализма в сталинском варианте, которую он не без основания и социализмом не считал. Напротив, для него ориентиром была наметившаяся в то время эволюция в таких государствах, как Великобритания с ее лейборизмом и фабианством, скандинавская модель экономики с ее социал-демократией и др. Свое видение данной проблемы он изложил в пятой главе «Капитализма, социализма и демократии». Российский вариант в ней был назван крайним и противостоящим шведскому [1, с. 395–455].

Немаловажно, что в четвертой главе данной книги Шумпетер представил свою теорию демократии, которая стремилась бросить вызов тому, что он назвал «классической доктриной». Он оспорил саму идею представительной демократии как «народного правления», то, что демократия – это процесс, посредством которого электорат определяет общее благо, а политики осуществляют это за них. Ученый утверждал, что это нереально, и что невежество и поверхностность людей означают, что на самом деле ими в значительной степени манипулировали политики, которые определяли повестку дня. Кроме того, он полагал, что даже если бы общее благо можно было найти, оно все равно не прояснило бы средств, необходимых для его достижения, поскольку граждане не обладают необходимыми знаниями для разработки государственной политики. Это делает концепцию «народного правления» маловероятной и даже нежелательной.

Вместо классической теории демократии он отстаивал ее минималистскую модель, на которую сильно повлияли социологи В. Парето и М. Вебер, и согласно которой демократия является механизмом конкуренции между лидерами, во многом похожим на рыночную структуру. Так, итальянец В. Парето (1848–1923) относился к парламентаризму, да и к демократии, с неприкрытой иронией, а исторический процесс во многом сводил к смене элит. Эта циркуляция (кругооборот) элит – закон истории, накладывающий отпечаток на облик современной цивилизации. Один тип

элит – «львы», опирались на консерватизм и использовали грубую силу. Другой тип элит – «лисы», являлись экспертами по обману и спекуляциям. Опираясь на понятие социальной гетерогенности, Парето выводил неизбежный конфликт между властвующим меньшинством и массами [16].

Шумпетер, как и М. Вебер (1864–1920), полагал, что, хотя периодическое голосование широкой общественности делает правительства легитимными и заставляет их быть подотчетными народу, политическая программа в значительной степени рассматривается как их собственная, а не программа людей, а роль отдельных лиц в политическом процессе обычно сильно ограничена. Особо значима, опять же в духе М. Вебера, рационализированная бюрократия, которая должна функционировать независимо от результатов выборов. В этой связи демократия позволяет индивиду только высказать свое мнение о решениях, родившихся в конкурентной борьбе за голоса народа. Шумпетер определил демократию не как власть народа, а как метод, с помощью которого люди избирают представителей на конкурентных выборах для выполнения своей воли. Это определение было охарактеризовано как простое, позволяющее более четко различать политические системы, которые либо соответствуют этим характеристикам, либо не соответствуют им. Это минималистское определение контрастирует с определением, включающим такие оценочные понятия, как «представительство, подотчетность, равенство, участие, справедливость, достоинство, рациональность, безопасность, свобода». Даже при демократии, как утверждал австриец, все это может быть (полностью или частично), а может и отсутствовать.

В этой части он несколько расходился со своим современником и соотечественником К. Манхеймом (1893–1947), который также сомневался в демократичности массовых объединений людей, однако считал, что именно малые социальные группы могут воссоздать демократию «снизу». В противном случае элиты могут узурпировать власть при сохранении демократического декора. Единственным спасением от этой угрозы Манхейм считал воссоздание демократических институтов или их построение заново. Однако подлинная демократия связана для него не с отсутствием элит, а с новым способом их селекции. Она должна быть основана не на выдвижении «героических личностей», а формироваться на основании неких общностей, которым обязан политик, выдвинутый группой, объединенной этой общностью [17; 18]. Манхейм прямо утверждал, что общественные отношения не сводятся к «экономическим отношениям производства», с чем Шумпетер был согласен.

Однако для нашего героя формирование правительства является, по сути, конечной точкой демократического процесса. Следовательно, для целей данной теории у него не было комментариев относительно того, какие решения может принимать правительство, чтобы соответствовать требованиям демократии. Естественно, что Шумпетер за столь формальный и ограниченный подход неоднократно критиковали, с учетом того, что демократия – это нечто большее, чем просто формирование правительства посредством конкурентных выборов. Не случайно его взгляд на демократию нередко именуют «элитарным», поскольку австриец критиковал рациональность и осведомленность избирателей и отдавал предпочтение компетентным политикам, принимающим решения, и рациональной бюрократии, исполняющей их [1, с. 310–394]. Таким образом, шумпетеровская демократия в некотором смысле, и вполне в духе В. Парето, является средством обеспечения конкурентной циркуляции элит. Впрочем, несмотря на свою принадлежность к элите Австро-Венгрии, Шумпетер испытывал к современным ему элитам смешанные чувства, далекие от безоглядного доверия к интеллекту и образованию ее представителей. Он считал, что демократия

при социализме может быть не лучше, чем демократия при капитализме, и не будет синонимом возрастания личной свободы.

В качестве заключения отметим следующее. В статье, рукопись которой он готовил до последних дней, «Движение к социализму», Шумпетер прозорливо предупреждал об опасности инфляции для будущего экономики США. Движение к социализму он видел через проведение политики, направленной против экономических спадов, «политики большего равенства в доходах», в богатом ассортименте мер по регулированию цен, через различные меры государственного контроля за рынком труда и денежным рынком, в росте объема государственных услуг, а также через законодательство, регулирующее рынок ценных бумаг. Переход США от капитализма к социализму виделся ему вероятным, но его можно было избежать, «повернуть вспять» [1, с. 524–537]. Возможно, именно эту попытку мы наблюдаем в настоящее время. Даже исходя из этого, очевидно, что предположения героя статьи оказались во многом обоснованными (особенно в отношении роли радикальной интеллигенции), однако в целом должны восприниматься критично, как и любые долгосрочные прогнозы, в силу невозможности учета многочисленных факторов, связанных с риском и неопределенностью.

Ссылки

1. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 540 с.
2. Назер С. Путь к великой цели: история одной экономической идеи. М.: АСТ, 2013. 704 с.
3. Вольвиц Г. фон. Мистер Смит и рай земной. Изобретение благосостояния. М.: Ад Маргинум Пресс, 2015. 176 с.
4. Самуэльсон П.Э., Нордхаус В.Д. Экономика. М.: ООО "И.Д. Вильямс", 2008. 1360 с.
5. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 454 с.
6. Шумпетер Й.А. Кризис налогового государства. Социология империализмов. М.: ИД ВШЭ, 2025. 210 с.
7. Шумпетер Й. Попытка диагноза. Доклад в Американской Ассоциации // Буржуазные экономисты о мировом кризисе. Сб. ст. М.-Л.: Госиздат, 1931. С.81-93.
8. Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография. М.: Московский рабочий; ТЕРРА, 1992. 303 с.
9. Лушников А.М. Дж. М. Кейнс и Ф.А. Хайек: право и экономика; единство и борьба гигантов. М.: Проспект, 2023. 176 с. EDN IYSUEA
10. Хайлбронер Р. Л. Философы от мира сего. М.: Изд. Колибри, 2008. 432 с. EDN QSQHYX
11. Шумпетер Й. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 416 с. EDN RAYFJT
12. Крылова Н.А. Буржуазная концепция социализма в работах И. Шумпетера. Дис...канд. эк. наук. М.: МГУ, 1978.
13. Социально- экономические воззрения Й. Шумпетера. Реферативный сборник. М.: ИНИОН, 1989. 105 с.
14. Нуреев Р.М. Й. А. Шумпетер: роль схоластики в истории экономического анализа // TERRA ECONOMICUS. 2005. Т.3. №4. С.20-27. EDN HYZJTF
15. Есть ли будущее у капитализма?: Сб. ст. И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхауна. М.: Изд. И-та Гайдара, 2017. 320 с.
16. Парето В. Компедимум по общей социологии. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.
17. Манхейм К. Проблема интеллигенции. Ч.1-2. М.: ИНИОН, 1993. 104 с.
18. Манхейм К. Избранное. Диагноз нашего времени. СПб.-М.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 744 с.